

УДК 343.2
DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.018-026

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВИЧ НУДЕЛЬ,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: slnudel@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Для цитирования

Нудель, С. Л. Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации / С. Л. Нудель // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 18–26. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.018-026.

Аннотация. В статье на основе доктринальных подходов к определению уголовной политики проведен анализ современных тенденций процесса криминализации. Особое внимание уделено вопросам криминализации общественно опасных деяний в связи с обеспечением национальной безопасности в информационной и экономической сферах, а также в области противодействия терроризму и экстремизму. Определено, что процесс криминализации характеризуется разнонаправленностью. Сделан вывод о том, что совершенствование уголовно-политических механизмов обеспечения национальной безопасности должно выстраиваться в едином комплексе мер по обеспечению безопасности с учетом национальных интересов, внутренних и внешних угроз.

Ключевые слова: уголовная политика, криминализация, преступление, уголовная ответственность.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, обоснованно отмечено, что, несмотря на созданную основу для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов России, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире, укрепление государства происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер.

Данные угрозы вызваны негативным воздействием множества факторов внешней и внутренней среды, которые обусловлены процессами глобализации, изменением геополитической обстановки, преобразованиями в политической, экономической и техно-

© Нудель С. Л., 2019



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

логической сферах, а также структурными и социальными проблемами, препятствующими формированию высокого уровня общественного развития.

Противодействие наиболее опасным угрозам национальной безопасности следует обеспечивать мерами не только социально-экономического, политического и идеологического, но и уголовно-политического характера. Уголовная политика должна обеспечивать роль государства в качестве гаранта безопасности, способствовать реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите национальных интересов.

В научной литературе термин «уголовная политика» употребляется в различных контекстах, при этом авторы вкладывают в него совершенно различное содержание, что часто приводит к подмене понятий [1, с. 51]. В целом эволюция воззрений на данное понятие детально изучена [1, с. 18–60; 2, с. 24–29; 3, с. 8–26; 4, с. 17; 5; 6, с. 3–18], и сформированы две основные обобщенные позиции относительно его содержания.

Первая характеризует уголовную политику как часть внутренней правовой политики и направление деятельности государства в лице органов государственной власти по противодействию преступности [2; 5, с. 7; 8, с. 7; 9, с. 74]. Вместе с тем с данной позицией нельзя полностью согласиться в связи с тем, что уголовная политика в этом случае толкуется слишком узко – лишь как некая государственная деятельность, что не учитывает все особенности ее формирования и субъектный состав.

Вторая позиция, которая является наиболее содержательной и многоплановой, заключается в определении уголовной политики как «системы принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях – национальной безопасности» [1, с. 12]. В целом соглашаясь с данным определением, необходимо отметить возможность его дополнения рядом признаков – указанием на ее реализацию в результате государственной деятельности и направленности на минимизацию и возмещение вреда, причиненного преступлениями.

Таким образом, в качестве уголовной политики России можно определить выработанную на научной основе систему принципов, политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального характера, направленную на обеспечение национальной безопасности в области противодействия преступности и возмещение вреда, причиненного преступлениями, которые реализуются в деятельности уполномоченных органов государственной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества.

Эффективность уголовной политики государства напрямую зависит от степени достижения задач по охране важных, «выгодных государству общественных отношений» [10, с. 7], благ, ценностей (социальных интересов) [11, с. 16], установленных в ст. 2 УК РФ [12, с. 19–21]. В связи с этим необходимость защиты указанных социальных интересов обуславливает стремление органов власти к интенсификации уголовно-правового воздействия, поэтому проблема повышения эффективности современного арсенала уголовно-правовых средств борьбы с преступностью входит в число важнейших задач уголовной политики [13, с. 11–14].

В качестве важнейшего элемента уголовной политики Российской Федерации следует признать процесс криминализации, то есть признания тех или иных деяний пре-

ступными и наказуемыми [14, с. 14; 15; 16; 17]. При этом следует согласиться с В. Н. Кудрявцевым, что «объем и содержание криминализации общественно опасных деяний в конечном счете определяют характер тех уголовно-политических стратегий, которые были бы наиболее эффективными с учетом существующей в стране преступности. Деяние признается преступным только в результате соответствующей социальной акции – законодательной оценки. Иными словами, человеческое общество в лице законодателей отделяет преступное от непроступного» [14, с. 21].

Ряд ученых в качестве основного средства противодействия преступности часто предлагают усилить тяжесть уголовного наказания за отдельные виды преступлений [18, с. 11–15; 19, с. 16–21]. По мнению А. Э. Жалинского, такие предложения нередко представляют собой «ничем не обоснованное мнение отдельных авторов, что подтверждается поступающими в Государственную Думу РФ многочисленными проектами федеральных законов, содержащими, как правило, предложения об усилении уголовной ответственности» [20, с. 24]. Причинами таких законодательных предложений является отсутствие реальных данных об общественной опасности того или иного противоправного деяния, а также достоверных сведений о социальных и иных последствиях возможных изменений уголовной репрессии, ресурсных затратах в связи с принятием законопроекта и о том, согласно ли общество его финансировать, без чего в странах с устоявшимися системами уголовного правосудия не принимается ни один уголовный закон, устанавливающий преступность или усиливающий уголовное наказание за преступное поведение [21].

Соответственно «российское уголовное законодательство должно адекватно отражать реалии социально-экономической действительности, оперативно реагировать на их изменения, в особенности на расширение сферы проявлений негативных процессов и явлений, укрупнение их масштаба и возрастание на этой основе степени общественной опасности» [22, с. 69]. В связи с этим нельзя не отметить позицию Э. Ф. Побегайло, согласно которой «уголовная политика любого государства должна основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие институты и нормы. Иначе нельзя исключить возможности принятия законодателем решений, которые могут осложнить криминологическую обстановку в стране, вызвать рост рецидивной преступности и отрицательно повлиять на состояние общественного порядка» [23, с. 132].

Рассмотрим детально основные тенденции в области криминализации.

1. Согласно Доктрине информационной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, с расширением применения информационных технологий, которые являются фактором совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, возникают и информационные угрозы. Возможности оборота информации все чаще используются для достижения террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей.

В соответствии с указанной Доктриной государство призвано обеспечить реализацию таких важнейших национальных интересов в информационной сфере, как защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, поддержка демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, сохранение культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей, функционирование информационной инфраструктуры, развитие информационных технологий и электронной промышленности и др.

Государство также призвано обеспечить и информационную безопасность детей, то есть защиту ребенка от дестабилизирующего воздействия информационной продукции, посредством создания условий информационной среды для позитивной социализации и индивидуализации, оптимального социального, личностного, познавательного и физического развития, сохранения психического и психологического здоровья и благополучия, а также формирования позитивного мировосприятия.

В 2017 г. российскими правоохранительными органами зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации включены в гл. 28 УК РФ. В целях обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, а также сетей электросвязи, используемых для организации взаимодействия таких объектов, УК РФ также в 2017 г. был дополнен ст. 274.1. Помимо этого, в 2017 г. в УК РФ включены ст. 110 «Доведение до самоубийства» (в новой редакции), ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Внесение указанных норм направлено на обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних посредством создания мер, способствующих предотвращению широкого распространения в сети Интернет негативной информации, побуждающей к совершению самоубийств или иной деструктивной деятельности, самоубийств среди детей и подростков, и борьбы с различными формами содействия суицидам и вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для их жизни.

В 2012 г. в ст. 242 «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» УК РФ были включены квалифицированные составы преступлений, в которых была установлена ответственность за совершение указанных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Таким образом, компьютеризация российского общества, увеличение числа несовершеннолетних пользователей международной компьютерной сети Интернет привели к необходимости совершенствования российского уголовного законодательства с целью обеспечения не только информационной безопасности детей, но и их жизни и здоровья.

Уголовно-правовой механизм обеспечения безопасности в информационно-коммуникационном пространстве включает в себя и нормы об уголовной ответственности:

– за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. В 2013 г. ст. 137 УК РФ дополнена ч. 3, в которой была установлена ответственность за «незаконное распространение в... информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия». Это стало одной из убедительных форм защиты права несовершеннолетних на получение информации и

доступ к ней, а также защиты от негативных последствий злоупотреблений иными лицами [24, с. 23–25];

– за преступления в сфере экономики. В 2018 г. исходя из расширения применения информационных технологий в финансовом секторе ч. 3 ст. 158 УК РФ была дополнена п. «г», в котором установлена ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

В 2015 г. в связи с тем, что Федеральным законом «О национальной платежной системе» введено определение электронного средства платежа, ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» в целях усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые в целях хищения денежных средств с использованием высоких технологий в банковской сфере, была изложена в новой редакции. Так, в ч. 1 ст. 187 УК РФ, помимо ответственности за изготовление в целях сбыта и (или) сбыт поддельных платежных карт, была закреплена ответственность за совершение тех же действий в отношении поддельных распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Таким образом, описанные изменения уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере экономики обусловлены возникновением новых способов совершения противоправных деяний, сопряженных с незаконным использованием международной компьютерной сети Интернет. Процесс информатизации общества породил и новые формы террористической и экстремистской деятельности, следствием чего стало внесение изменений в УК РФ.

В 2016 г. в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» были внесены изменения в целях создания дополнительных механизмов противодействия террористическим и иным экстремистским проявлениям посредством установления ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Кроме того, в 2014 г. ст. 280, 282, 280.1 УК РФ, исходя из задачи противодействия экстремизму в условиях развития технологий обработки и передачи информации, были изменены. Так, в ч. 2 ст. 280 УК РФ была установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; в ч. 1 ст. 282 УК РФ – за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ – за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В последние годы участились факты незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих или ядови-

тых веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием сети Интернет. В связи с этим в 2012 г. в целях совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» была установлена ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Несмотря на то что в ст. 228.4, 234, 234.1 УК РФ также установлена уголовная ответственность за сбыт прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки, новых потенциально опасных психоактивных веществ, в данных статьях УК РФ не закреплён квалифицированный состав соответствующего деяния, связанный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, вследствие проникновения информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества в последние годы происходит совершенствование уголовно-правовых механизмов обеспечения безопасности в информационно-коммуникативном пространстве путем установления уголовной ответственности за совершение ранее криминализованных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (квалифицированные составы преступления).

2. В Стратегии национальной безопасности также отмечено, что российская экономика является весьма уязвимой для различного рода угроз, что особенно остро проявляется в условиях существующего режима международных санкций в отношении России, нестабильности на энергетических и сырьевых рынках. Исходя из этого в качестве стратегической цели обеспечения национальной безопасности Российской Федерации было определено повышение конкурентоспособности национальной экономики и закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, а также обеспечение собственной экономической безопасности. В связи с этим противодействие данным угрозам становится важной государственной задачей.

Так, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 3,4 % сократилось количество преступлений экономической направленности. Всего выявлено 105,1 тыс. преступлений данной категории, их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,1 %, материальный ущерб от них – 234,3 млрд рублей.

С 1996 г. в гл. 21 и 22 УК РФ было включено значительное количество норм, в которых установлена ответственность за покушения на экономические отношения. Например, в 2003 г. – ст. 199.1, 199.2 (налоговые преступления); 2012 – ст. 159.1–159.6 (новые виды мошенничества); 2014 – ст. 200.2 (контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий); в 2014 г. – ст. 171.3, 171.4 (преступления, связанные с оборотом алкогольной продукции), ст. 199.3, 199.4 (новые составы налоговых преступлений) и др. При этом из данных глав УК РФ исключены лишь 4 статьи: 182 «Заведомо ложная реклама», 200 «Обман потребителей» (2003), 173 «Лжепредпринимательство» (2010), 188 «Контрабанда» (2011). Данную меру нельзя назвать в полной мере декриминализацией в связи с последующей криминализацией незаконного образования юридического лица (ст. 173.1), незаконного использования документов для образования юридического лица (ст. 173.2),

контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1), а также алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2).

В большинство статей УК РФ, в которых установлена ответственность за экономические преступления, неоднократно вносились изменения. Уточнялись диспозиции, изменялись в сторону увеличения размеры ущерба и др. Например, из диспозиции ст. 172 УК РФ исключено словосочетание «с нарушением лицензионных требований и условий», в ст. 199 УК РФ увеличен крупный размер.

Таким образом, возможно продолжение работы по корректировке уголовно-правовых норм в целях своевременности ответа на вновь возникающие угрозы экономической безопасности (деофшоризация, коррупция, незащищенность сферы страхования и др.) и согласованности с другими нормами уголовного, гражданского, административного права.

3. Обоснованное внимание законодатель уделяет проблеме противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности. Несмотря на то что доля указанных преступлений в общем количестве совершаемых в России преступлений достаточно невелика [в 2017 г. выявлено 1871 преступление террористического характера (– 16,0 %) и 1521 преступление экстремистской направленности (+ 4,9 %)], их динамика не может не вызывать озабоченность.

Как отмечается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, каждое из этих преступлений вызывает повышенный общественный резонанс и может дестабилизировать социально-политическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Повышенная степень общественной опасности террористической и экстремистской деятельности послужила основанием установления в 2002 г. уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), а в 2013 г. в УК РФ включены нормы, регламентирующие ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4) и организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5).

Повышенное внимание уделяется также противодействию финансированию терроризма и экстремизма. В 2014 г. УК РФ был дополнен ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности», а в 2017 г. увеличена санкция за финансирование терроризма в рамках ст. 205.1 УК РФ.

Оценивая сложившуюся российскую уголовную политику, нельзя не согласиться с мнением В. Д. Зорькина, что «нестабильность законодательства... неизбежно ведет к нарушению его системности и подрывает ключевой принцип правовой определенности. В период кардинальных перемен исторического масштаба трудно обеспечить надлежащую стабильность правового регулирования. Тем не менее, надо по возможности уходить от метода проб и ошибок, повышать научное обеспечение законотворчества» [25].

Говоря о характере процесса криминализации в настоящий период, следует отметить разнонаправленность, то есть установление уголовной ответственности с последующим изменением данных норм в сторону смягчения. В этом тренде прослеживается идея не только гуманизации и либерализации, но и дифференциации уголовного законодательства, что в целом может быть оценено положительно.

Таким образом, с учетом сложившихся тенденций совершенствование уголовно-политических механизмов обеспечения национальной безопасности должно выстраи-

ваться в едином комплексе мер по обеспечению безопасности с учетом национальных интересов, внутренних и внешних угроз.

Библиографический список

1. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методические, организационные и правовые основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 350 с.
2. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд., перераб. М., 2004. 303 с.
3. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 176 с.
4. Воронин М. Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития : лекция. М., 2000. 40 с.
5. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник / под ред. Л. И. Беляевой. М., 2003. 245 с.
6. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 608 с.
7. Малышева О. А. К вопросу о понятии «уголовная политика» // Российский следователь. 2005. № 9. С. 28–30.
8. Стахов Я. Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации : монография / под науч. ред. В. П. Ревина. М., 2003. 163 с.
9. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. 100 с.
10. Наумов А. В. Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975. 50 с.
11. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 36 с.
12. Голубов И. И. Стабильность норм уголовного закона – условие эффективной уголовной политики (на примере главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Российский следователь. 2012. № 20. С. 19–21.
13. Аминов Д. И., Полищук Д. А. Секреты эффективности уголовно-правовой политики // Российский следователь. 2013. № 18. С. 11–14.
14. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. 366 с.
15. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46–50.
16. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2018. 280 с.
17. Кашепов В. П. Концепция развития уголовного законодательства // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004. С. 271–299.
18. Милюков С. Ф. Место наказания в системе мер государственного принуждения // Проблемы борьбы с экономической преступностью и наркобизнесом при переходе к рынку : в 2 ч. СПб., 1994. Ч. 2. С. 11–15.
19. Кубов Р. Х. Развитие уголовной политики на современном этапе // Российский следователь. 2009. № 3. С. 16–20.
20. Жалинский А. Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21–24.

21. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. 208 с.

22. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учеб. пособие. М., 1989. 119 с.

23. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 132–135.

24. Дархаева И. В., Иванова Н. В. Ограничение права несовершеннолетних на доступ и получение информации // Законность. 2015. № 12. С. 23–25.

25. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. 2014. 18 дек.